

Нина Мечковская

ВИНЦЕНТ ДУНИН-МАРЦИНКЕВИЧ НЕ БЫЛ АВТОРОМ ВОДЕВИЛЯ ПИНСКАЯ ШЛЯХТА

1. Хронология и разбор известий о Пинской шляхте

А. 1868г. Дунин-Марцинкевич в письме Яну Карловичу от 15.07.1868г. (датировка Я.Я.Янушкевича¹), говоря о своем вкладе в обработку *ludowej literackiej niwy*, приводит нумерованный перечень своих книг, включая не пропущенные цензурой *ludową powiastką "Karanasya"* и перевод *Pana Tadeusza* (всего 6 позиций, в числе которых нет Пинской шляхты). Далее говорится о том, где можно достать уцелевшие экземпляры *Pana Tadeusza*, и затем — о своего рода обмене книгами и рукописями:

"O nadesłanie prac Pańskich najczulej upraszam, będą one pomieszczone w pamiątkach drogich mojemu sercu, obok pamiątek od Kraszewskiego i nieboszczyka Korzeniowskiego. Własnie jedzie jeden poczciwy szlachcic z naszych stron, który doręczy Panu Dударza i Lucynkę, a do Wiszniewskiego wiezie dla przeczytania *Pinskaja Szlachta i Szkice prowincjonalne*"².

В приведенной выдержке, как и в письме в целом, не сказано, что автор Пинской шляхты — это Дунин-Марцинкевич. Характерно, что рядом с водевилем названы *Szkice prowincjonalne*, автор которых неизвестен, и, принимая во внимание жанровый состав литературного наследства Дунина-Марцинкевича, трудно допустить, что *Szkice* написаны им.

В. 1885г. В марте 1885г. в петербургском польскоязычном еженедельнике *Kraj* (№ 10), в редакционном некрологе памяти Дунина-Марцинкевича *Pieśniarz białoriski*³ говорилось:

¹ Я.Я.Янушкевич, *Беларускі дудар: Праблема славянскіх традыцый і ўплываў у творчасці В.Дунина-Марцінкевіча*, Мінск 1991, 121.

² Цит. по публикации в кн.: Я.Я.Янушкевич, *Беларускі дудар...*, 123.

³ Некролог был составлен редакцией на основе биографии Дунина-Марцинкевича, присланной А.Ельским, и подписан псевдонимом Ельского *ełi*; перевод некролога на белорусский (Г.В.Кисляёва) см. в кн.: *Пачынальнікі: 3 гісторыка-літаратурных матэрыялаў XIX ст.*, Укладальнік Г.В.Кисляёў, Мінск 1977, 162-165.

З 1863г. Марцінкевіч палкам адасобіўся ў сваёй сьдзібе. Пісаць не перастаў, але публічна ўжо не выступаў. [...] Колькі яго прац таго часу (лж. напр. "Залёты", вадзівіль на мяшанай беларуска-польскай мове, "Пінская пляхтэ" па-беларуску) мае ў сваіх зборах п. Аляксандр Ельскі (Замосце пад Мінскам). Добра было б как ш. выдаўцы звярнулі на іх сваю ўвагу⁴.

Сообщение о *Залётах* и *Пинской шляхте* было сенсационно неожиданным. За месяц до него, в феврале 1885г., издатели *Kraja*, еще не зная о смерти Дунина-Марцинкевича (наступившей в декабре 1884г.), в предисловии к статье А. Ельского *O gwarze białoruskiej* (№ 6) сообщали, что Дунин-Марцинкевич, "адзін з вядомых працаўнікоў на непрафесійнай дагэтуль ніве беларускага пісьменства", прислал в редакцию образец своего перевода *Pana Tadeusza* А.Мицкевича, "мяркуючы, што пры пасрэдніцтве *Kraju* ўдасца яму знайсці выдаўца і апублікаваць пераклад [...]"⁵. Возникает вопрос: почему Дунин-Марцинкевич не заводил речи о *Пинской шляхте* и не хлопотал о ее публикации? Скорее всего, потому, что не он был автором произведения.

По-видимому, А.Ельски до кончины Дунина-Марцинкевича не знал о существовании *Пинской шляхты*. Аляксандр Ельскі (1834-1916), известный белорусский историк и этнограф⁶, диалектолог, библиограф, фольклорист и первый биограф Дунина-Марцинкевича (т.е. человек с профессиональной памятью на факты), в стихотворном шутилом послании *Вінцуку Дуніну-Марцінкевічу* (1872г., первая публикация — 1919г.), перечисляя книги и персонажи Дунина-Марцинкевича (*Здароў, Віцязь, айцец "Гапона"!* / *Табе паклон ад Гелікона* / *За "Вечарніцы"* і за "*Дудара"* / *І за "Навума"* — *слава гаспадара*), не упоминает ничего, что было бы связано с *Пинской шляхтой*, т.е. с произведением, самым близким по времени и самым талантливым. Более того, в послании звучит упрек *айцу "Гапона"* в молчании и призыв вновь "запеть": *Ды пацеш жа Мужычкоў, / Ім трэба песенькі сваей, / Дык ты ж, Віцязь, ты ім запей. / [...] Ты толькі нам зайграй: ду-ду! / Бо ўжо вельмі сумна стала, / Як твая песня замаўчала*⁷.

⁴ *Пачынальнікі ...*, 164.

⁵ Цит. по кн.: *Пачынальнікі...*, 328.

⁶ В 1864 г. Ельскі создал в своем имени под Минском литературно-краеведческий музей, фонды которого насчитывали около 7 тысяч книг, 20 тысяч рукописей, более тысячи гравюр, коллекции картин, монет, археологических находок (А.І.Мальдзіс, "Ельскі Аляксандр Карлавіч", в: *Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: у 5 тамах. Т.2, Мінск, 1985, 416*).

⁷ Цит. по публикации в издании: *Беларуская літаратура XIX стагоддзя: Хрэстаматыя*, Складальнікі і аўтары каментарыяў А.А.Лойка, В.ІІ.Рагоўша, Мінск 1988, 357-358.

Скорее всего, после неудачи с изданием перевода *Пана Тадеуша* (1859) и трагических событий антиимперского восстания 1863-64 гг.⁸, до конца 60-х гг. Дунин-Марцинкевич не писал новых произведений. В 1867г., посылая на пробу в газету *Виленский вестник* начало своей стихотворной повести *Былицы, рассказы Наума Приговорки* (1857г., согласно датировке автора) он предлагает: "[...] я буду присылать свои сочинения, а господин редактор *Вестника* платить мне за всякую повесть"⁹. Возникает вопрос: почему автор, стремясь к сотрудничеству с газетой, в феврале 1867г. даже не обмолвился о новом не опубликованном водевиле *Пинская шляхта* (датированном 1866г.) и хлопочет об издании повести, законченной им 10 лет назад? Скорее всего, он не был автором *Пинской шляхты*.

С. 1887-88 гг. Дочь Дунина-Марцинкевича Камила Асипавичова посылает Яну Карловичу фрагменты из *Sialanki*, перевод *Пана Тадеуша* и *Пинскую шляхту*. Поскольку в 1885г. один список *Пинской шляхты* оказался в собрании Ельского (именно об этом списке "*на-беларуску*" он сообщал в *Kraj*), то очевидно, что дочь писателя говорит о другом списке комедии. Вот тот фрагмент письма, в котором упоминается *Пинская шляхта* (перевод с польского Г.В.Кисляева):

Апрача таго, пасылаю яшчэ адзін твор майго бацькі: "Пинская шляхта". Калі Пан з прысланых рэчаў захоча што набыць, то прашу самому прызначыць цану, бо я ў гэтым не разбіраюся¹⁰.

После смерти Я.Карловича (1903г.) его архив, в том числе присланная рукопись *Пинской шляхты*, оказались в виленском историческом архиве. Я.Я.Янушкевич цитирует (в переводе) ее архивную паспортизацию, по всей вероятности, основанную на мнении Карловича: "*Пинская шляхта* — п'еса

⁸ Дунин-Марцинкевич лично пострадал от правительственных репрессий: более года (с октября 1864 по декабрь 1865 г.) он находился под следствием в минской тюрьме (и это в возрасте 56 лет!), затем до конца жизни — под почти постоянным надзором полиции (надзор был снят в 1872-74 гг. и восстановлен в 1876 г.), с запретом отлучки дальше Минска; за участие дочерей и жены в демонстрациях и левые запрещенного гимна Дунин-Марцинкевич был оштрафован (в размере 30% доходов), а дочь Камила выслана из края.

⁹ Цит. по публикации письма в кн.: Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч, *Творы*, Мінск 1984, 483; *Былицы, рассказы Наума* впервые напечатаны в миинском журнале *Польмя* (1946, № 8-9, 94-108) по копии с рукописи Дунина-Марцинкевича, снятой в 20-х гг. И.И.Замотинным.

¹⁰ Цит. по публикации перевода в кн.: Г.В.Кисляёў, *Спасцігаючы Дуніна-Марцінкевіча: Спроба навуковай сістэматызацыі дакументаў і матэрыялаў*, Мінск, 1988, 10.

з народнага жыцця. Аўтар невядомы"¹¹. Ср. замечания об архивном списке Г.В.Кисляёва: "Тытула няма, аўтар неназваны. Няма і пераліку дзейных асоб, года напісання твора. Адразу пачынаецца тэкст"¹². О рукописи было известно по крайней мере с 1965г., при этом некоторые исследователи считали ее переводом комедии на украинский язык, другие (Г.В.Кисляёв, Я.Я.Янушкевич) видели в ней не перевод, но авторский текст (впрочем, без специальных доказательств первичности "пинской" редакции текста). Графологическая экспертиза фотокопии (по инициативе Я.Я.Янушкевича) доказала, что рукопись является автографом Дунина-Марцинкевича. Рукопись в кириллице, она завершённая и аккуратная, однако с поправками и дополнениями, которые свидетельствуют, по мнению Г.В.Кисляёва, о том, "што перад нами — не алошні аўтограф твора"¹³.

Недостаточность приведенных фактов для доказательства того, что Дунин-Марцинкевич был автором *Пинской шляхты*, состоит в двух моментах. Во-первых, наличие списка пьесы, выполненного Дуниним-Марцинкевичем, не означает, что он был автором произведения. В Беларуси после 1863г., в условиях запретов на печатное белорусское слово, сложилась практика рукописного копирования и распространения произведений. Списки посылали (передавали) для снятия копий, затем возвращали¹⁴. Известно, в частности, что после смерти Дунина-Марцинкевича в его архиве (по воспоминаниям Ядвигина Ш., — *вялікі куфар, куды складаў ён сваё пісаньне*), среди прочего, были обнаружены написанные его рукой поэма *Тарас на Парнасе*, стихотворение *Вясна гола перапала*, которые именно по почерку владельца рукописей вначале были атрибутированы Дунину-Марцинкевичу, под его именем были впервые напечатаны, и только через много лет вопрос об их авторстве был пересмотрен.

Во-вторых, поправки и дополнения в беловой рукописи *Пинской шляхты* необязательно свидетельствуют о том, что их делал сам автор произ-

¹¹ Я.Янушкевіч, Арыгінал "Пінскай шляхты", *Літаратура і мастацтва*, 1982, 30.07.

¹² Г.В.Кісялёў, *Спасцігаючы Дуніна-Марцінкевіча...*, 41.

¹³ Г.В.Кісялёў, *Спасцігаючы Дуніна-Марцінкевіча...*, 45.

¹⁴ Ср. в цитированном выше письме Дунина-Марцинкевича Я.Карловичу: "W Lidzie u powiatowego doktora Cywińskiego jest mój własny [egzemplarz *Pana Tadeusza*. — Н.М.], który, za okazaniem tego pisma, da Panu do przepisania, a Pan, po skopiowaniu, racz mi go odesłać. Dalszych pieśni 1-go tomu będę Panu (dla przepisania) udzielał z tem, aby mi przez też samę okazują, nie przez pocztę, odsyłać" (Цят. по публикации в кн.: Я.Я.Янушкевіч, *Беларускі дудар...*, 123).

ведения. Рукописное, а не типографское воплощение текста нередко провоцировало владельцев рукописей или непрофессиональных "пользователей" на собственные приписки и исправления. Например, в каллиграфической, по бумаге и почерку едва ли не парадной, копии *Залётаў*, снятой в Петербурге в 1893г. известным собирателем белорусских источников Б.И.Эпимах-Шипилой с оригинала, который прислал ему из своего архива А.Ельски, имеется позднейшая правка текста, внесенная, по-видимому, или Янкой Купалой, или Язэпам Лёсиком в начале работы над переводом пьесы и ее редактированием для постановки (на сцене Белорусского музыкально-драматического кружка в 1915г. в Вильне)¹⁵.

Д. 1889г. Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел (Санкт-Петербург) 12.08.1889г. посылает в Вильну генерал-губернатору (*виленскому, ковненскому и гродненскому*) запрос о его мнении относительно целесообразности печатания в готовящемся *Календаре Северо-Западного края* "биографии В.Дунина-Марцинкевича с портретом его и еще не изданных произведений под заглавием *Пинская шляхта*, фарс-водевиль на пинском наречии, и *Сборника народных песен* на том же наречии"¹⁶. Ответ от 31.08.1889г. генерал-губернатора относительно публикации биографии, портрета и водевиля был однозначно отрицательным.

Инициатором публикации *Пинской шляхты* был издатель *Календаря Северо-Западного края* на 1889 и 1890 гг. профессиональный историк, в те годы приват-доцент Московского университета М.В.Довнар-Запольский, имевший доступ к рукописным собраниям А.Ельского. Вместе с тем можно думать, что речь идет не о том списке *Пинской шляхты*, который после смерти Дукина-Марцинкевича оказался у Ельского и о котором в 1885г. писал петербургский *Kraj* в некрологе (см. раздел В выше). Ельски вполне точно сообщал о рукописях своего собрания: "*Залёты*", *вадэвіль на мяшанай беларуска-польскай мове*, "*Пінская шляхта*" *па-беларуску*. Если бы список *Пинской шляхты* Ельского был тем самым, который позже хотел издать Довнар-Запольский и который фигурировал в чиновнической переписке как *фарс-водевиль на пинском наречии*, то Ельский,

¹⁵ У Е.Ф.Карского указано, что пьесу перевел Купала (Е.Ф.Карский, *Белорусы. Т.3: Очерки словесности белорусского племени. Ч. 3: Художественная литература на народном языке*, Петроград 1922, 61); по данным Й.Голомбека, полный перевод выполнил Лёсик (J.Golańbek, *Wincenty Dunin-Marcinkiewicz, poeta polsko-białoruski*, Wilno 1932, 66).

¹⁶ Цит. по изданию: *Пачынальнікі ...*, 167-168.

скорее всего, не называл бы его белорусским. По-видимому, у Ельского был еще один список пьесы, с текстом "*па-беларуску*".

Е. 1918г. Минский еженедельник *Вольная Беларусь* (его главным редактором был Язэп Лёсик) в 1918г. в №№ 30-31 печатает *Пінскую шляхту*, предворяя публикацию справкой, в которой водевиль впервые (в известных источниках) и окончательно датируется:

Твор гэты напісаны аўтарам пінчускай гаворкай у 1866г. і да гэтага часу нідзе не друкаваўся. Выпраўлены на беларускі лад, ён друкуецца ў *Вольнай Беларусі* першы раз. З часам *Вольная Беларусь* выдрукуе і аўтэнтык гэтага твора.

Максим Гарэцкі указывая, что эта публикация появилась под редакцией Язэпа Лёсика, ничего не говорит о языке первоисточника¹⁷.

Е. 1923г. В этом году водевиль выходит в свет второй раз, судя по всему, в той же редакции Язэпа Лёсика, в сборнике *Сцэнічныя творы* (Менск) со следующим послесловием:

УВАГА. *Пінская шляхта* напісана Марцінкевічам пінчускай гаворкай у 1866г., і да апошняга часу гэты твор нідзе не друкаваўся. Аўтэнтык гэтага твора ў часе польскай акупацыі Менска неўдэ згінуў.

Эта же дата (1866) и слова о *мове пінчукоў* повторены в статье Рамуальда Зямкевича¹⁸. По-видимому, датировка основана на устном предании и связана с кругом Ельского: "У Ельскага, які ведаў год напісання камедыі, і ў рэдакцыі *Вольнай Беларусі*, былі, трэба думаць, больш познія тэксты"¹⁹. Что касается количества списков *Пінской шляхты* накануне ее публикации, то можно говорить не только о нескольких списках водевиля, но и о его двух языковых версиях — "*па-беларуску*" (о таком списке упоминал в 1885г. Ельски) и "*пінчускай гаворкай*" (такой список дочь Марцінкевича в 1887г. послала Карловичу; опубликовать такой список в *Календаре Северо-Западного края* собирался в 1889г. Довнар-Запольский; такую версию *Пінской шляхты* "выпраўляў на беларускі лад" в 1918г. Лёсик).

¹⁷ М. Гарэцкі, *Гісторыя беларускае літаратуры*, Мінск [1920] 1992, 215.

¹⁸ Раман Суніца [Зямкевич Р.], "Нацыянальнасьць у Вінцука Дуніна-Марцінкевіча (Матэрыялы да характарыстыкі творчасьці)", в: *Заходняя Беларусь: Зборнік грамадзкае мысьлі, навукі, літаратуры і мастацтва Заходняй Беларусі*, Вільня 1923 [на обложке указан год издания 1924], 120.

¹⁹ Г.В.Кісялёў, *Спасцігаючы Дуніна-Марцінкевіча...*, 45.

Г. 1984г. В последнем и самом полном собрании сочинений Дунина-Марцинкевича (1984) составитель и комментатор издания Я.Я.Янушкевич, печатая текст водевиля по публикации 1918г. в *Вольной Беларуси*, в приложении к основному корпусу сочинений публикует тот текст из виленского архива, который вместе с другими рукописями дочь Марцинкевича послала Яну Карловичу через три года после смерти отца (см. раздел С). Таким образом, в качестве основного текста произведения издатель принимает его перевод 1918г. на белорусский язык, а тот текст который, считает оригиналом, помещает в приложении (sic!).

Итак, прямые доказательства того, что водевиль *Пинская шляхта* написан Дуниным-Марцинкевичем, в документах эпохи отсутствуют.

Однако более сильные доказательства того, что не Дунина-Марцинкевич был автором водевиля, я вижу не в документах, а в тексте пьесы — в его языке и художественно-выразительных чертах²⁰. Во-первых, если допустить, что "пинская" редакция была первоначальной (т.е. что ей не предшествовал какой-то сейчас неизвестный "минско-молодечненский" протограф), то следует принять во внимание и то, что Дунина-Марцинкевич не владел пинским диалектом, который, как известно, достаточно сильно отличается от основного массива белорусских говоров; не удастся удовлетворительно понять мотивы обращения Дунина-Марцинкевича к пинскому наречию (ср. в книге Г.В.Кисляёва объяснения, развиваемые некоторыми исследователями²¹).

Во-вторых, и это главный аргумент, по своей поэтике *Пинская шляхта* вполне определенно отличается от всего написанного Дуниным-Марцинкевичем, в том числе и от пьесы, самой близкой к *Пинской шляхте* по времени создания (если принять дату 1866г.), — комедии *Залёты* (1870).

²⁰ Что-то похожее произошло с атрибуцией *Тараса на Парнасе*: у Ельского был самый равный список поэмы, написанный рукой Дунина-Марцинкевича; на его основе Довнар-Запольский впервые издал поэму — в качестве сочинения Дунина-Марцинкевича (Витебск 1896), напечатав при этом в *Витебских губернских ведомостях* работу Дунина-Марцинкевича и его поэма "Тарас на Парнасе" (отдельный оттиск 1896). И все же атрибуция *Тараса на Парнасе* автору Гапона и Вечарниц — не удержалась: "В. Дуин-Марцинкевич не мог быць аўтарам нашай паэмы, гэтаму супярэчыць і яго мова, звязаная найперш з мінскімі гаворкамі, і тэхніка верша і, нарэшце, культурная арыентацыя пісьменніка (яму бліжэй была польская літаратура)" (Г.В.Кисляёў, "Даўняя загадка літаратуразнаўства (Праблема аtryбуцыі паэм "Энеіда на выварот" і Тарас на Парнасе)", в: Г.В.Кисляёў, *Ад Чачота да Багушэвіча*, Мінск 1993, 366).

²¹ Г.В.Кисляёў, *Спасцігаючы Дунина-Марцинкевіча...*, 45-46.

2. Текст водевиля "пінчуцкай гаворкай" и его вариант, "выпраўлены на беларускі лад"

О первичности "пінчуцкого" текста свидетельствует ряд смысловых потерь перевода. Ограничимся четырьмя разнотипными примерами.

2.1. В переложении нарушается логика в развитии мысли; одновременно страдает образная ткань текста. Ср. в песне Кутурги:

Пинская редакция
*Гдэ унадыцца юрыста,
 Вымэтэ хату дочыста!
 Такіх дываў нагаворыт,
 Так многа кручкоў натворыт,
 Што, почысаўшы затылок,
 Ты разсуноньні узыюк.
 Не дай? Вюн тэбэ замучыт*
 (с. 488)²².

Перевод
*Гдзе ўнадзіцца юрыста,
 Вымеце хату дачыста.
 Такіх дзіваў нагаворыць,
 Так многа кручкоў натворыць,
 Што, пачысаўшы затылак,
 Не рассуноніш памылак.
 Не дасі, — цябе замучыць*
 (с. 120).

2.2. В первоисточнике — семантически более узкое и потому более точное слово, в новой редакции — семантически более широкое слово:

Пинская редакция
*Нэ ведаю, што зробіты? Вюн
 сам боітса, щоб, зробывши вам
поблажку, пэрэд судом нэ от-
 вэчат* (с. 495).

Перевод
*Не ведаю, што рабіць! Ён сам
 баіцца, каб, зрабіўшы вам пасл-
 угу, перад судом не адказываць*
 (с. 128).

2.3. Порой в переводе затемняется (возможно, она не была почувствована) метафоричность оригинала:

Пинская редакция
*Писулькин (в сторону, посма-
 тривая на бумажку). Хорошо
 быть письмоводителем у
 разумного человека. Малеваные
 гостікі (указывая бумажку)
 сами в карман лезут, не надо и
 рук выцягивать* (с. 495).

Перевод
*Пісулькін (убок, разглядаючы
 бумажку). Хорошо быць пісьме-
 вадзіцелем у разумнага чалавека,
 маляваныя госцікі! (показваючы
 на бумажку). Самі ў карман
 лезуць, не нада і рук выцягваць*
 (с. 128).

²² Здесь и далее в скобках указаны страницы по изданию: Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч, *Творы*, Мінск 1984.

2.4. Естественная рифма первоисточника (не требующая искусственной модификации фонетического облика слова) в переводе выдерживается с помощью именно неорганичного изменения звучания одной из рифмующихся словоформ:

Пинская редакция	Перевод
<i>Молоды ж Грыцько <u>нэщыры</u>,</i>	<i>Але Грышка твой <u>нличэры</u>,</i>
<i>Нэ шукай в ным доброй <u>выры</u></i>	<i>Не шукай ў ём добрай <u>веры</u>!</i>
(с.492).	(с.123).

2.5. Некоторые слова, прежде всего в стихах, оставлены без перевода:

Пинская редакция	Перевод
<i>Мой Грыцько — хлопэц</i>	<i>Грышка мой — хлапец <u>матарны</u>,</i>
<i><u>матарны</u>,</i>	<i>Малады, відны ды <u>гарны</u></i>
<i>Выдны, молоды да <u>гарны</u> (с.492).</i>	<i>(с.123).</i>

Выводы: 1) для текста водевиля (в известных двух редакциях) пинский диалект был исходным; 2) перевод водевиля на литературный белорусский язык выполнен с потерями в ущерб смыслу и эстетическим достоинствам произведения.

По-видимому, автор *Пинской шляхты* не был знаком с практикой записи украинской речи средствами русской азбуки (так называемой *ярыжкой*), распространенной на Украине XIX в. Это объясняет его такие сугубо фонетические написания, как *вюн* 'он', *вюна* 'она', *тютьку* 'только' и проч. ("ярыжкой" писалось бы *вин*, *вина*, *тільки*).

3. *Пинская шляхта* и *Залёты*: различия в художественных принципах письма

Характер интриги и общий сюжетный замысел в *Пинской шляхте* и в *Залётах* настолько различны, что их сопоставление для атрибуции текстов недиагностично. Если в *Пинской шляхте* действие разворачивается с классицистической цельностью одноактного водевиля — как пружина, то *Залёты* — это, в сущности, трехактная пьеса (во всяком случае, действие требует трех разных декораций)²³, опыт панорамного изображения разных

²³ Отсюда ее новое жанровое определение при переводе: не *Фарс-вадэвіль у адным акце*, как вывел, снимая копию, Б.И.Эпимах-Шипила, но *Смяхотная штука у 3-х дзелях*, как написано рукою Кулалы на титульном листе того же списка. (См. комментарий Я.Я.Янушкевича в кн.: Віцэнт Дуніч-Марцінкевіч, *Творы*, 506).

сословий пореформенной католической Беларуси. Если *Пинская шляхта* — легкая, веселая и искусная в сценическом отношении вещь, то в *Залётах* автор не столько развлекает читателя, сколько делится своими тревогами: его пугают напор бесчестных нуворишей, крестьянские и шляхецкие браки по расчету, бессилие крестьян, близорукость судей. *Залёты* — проблемное и во многом пессимистическое произведение²⁴; по сути, автору здесь почти не удается пошутить, позабавить зрителя.

Радикальное несходство двух комедий можно увидеть с помощью анализа художественного текста. Есть черты поэтики, значимые для атрибуции произведения. В художественной ткани *Пинской шляхты* и в художественной ткани *Залётаў* обнаруживается разный состав релевантных для атрибуции черт.

3.1. Поэтическая искусность. По этому признаку, оппозиция, конечно, градуальная, а не привативная. Немногие сопоставимые места демонстрируют большую искусность *Пинской шляхты*. Ср. куплеты влюбленной в молодого парня крестьянской девушки, которую родители прочат за старого и нелюбимого:

Пинская шляхта
*Да што мне з мужа старога,
 Я хочу мого милога,
 Бо стары, мэсто гуляты,
 Будэ кашлят да стогнаты.
 Мой Грыцько — хлопцэ
 мотарны,
 Выдны, малыды да гарны.
 Глянь! — Аж душа к нему
 рвется
 И сырдынко крэпчэй б'еця!*
 (с.491–492).

Залёты
*Панас са мной не дасць рады,
 Буду чакаць за каляды,
 Бо мой мілы Пятрук —
 То статэчны дзяцюк!
 Як бацькі захочуць мусіць,
 Я не стану вельмі трусіць,
 Загалашу са ўсіх сіл —
 Апанас-то мне не міл!*
 (с.152.)

3.2. Сценическая легкость. Что такое сценическая "тяжеловесность" (в белорусско-польской комедии прошлого века), можно показать на примере 1-й и 2-й сцен из *Залётаў*. В 1-м диалоге арендатор Антон Сабкович и его сестра ("паненка" Дамицэля) обсуждают, чего недостает Сабковичу для женитьбы на богатой паненке. Реплика Дамицэли напо-

²⁴ Отмечая социальную остроту и богатство жизненного материала *Залётаў*, Й.Голомбек считал эту пьесу лучшим произведением Дунина-Марцинкевича (J.Golańbek, *Wincenty Dunin-Marcinkiewicz...*, 63).

минает развернутый логически упорядоченный монолог резонера в классицистических комедиях: *Перш-наперш* [...], *Другое* [...], *Трэцяе, і самае важнае*, [...], который заканчивается резюмирующим выводом: *А ты, мой брацейка, — даруй, што праўду скажэ, - не можаш пахваляцца ні першым, ні другім, ні трэцім* (с.136-137). Насколько громоздкий синтаксис Дамицэли, дает представление следующая фраза:

Перш-наперш, мой даражэнькі, кавалер, што заляцаецца да паненкі, павінен быць таго самага стану, як і яна; калі ж ён з ніжэйшага стану, то павінен, прынамсі, мець славу вучонага і разумнага, — інакш той стан, да каторага належыць паненка, будзе крыгачь, што гэта мезальянс, і адгаворыць не толькі бацькоў, але і паненку, калі б ты нават ёй і падабаўся (с.136).

Что касается монологов Пятрука во 2-й сцене, то они просто анти-сценичны. Они разрушают диалог и останавливают действие: это самодовлеющие воспоминания бывалого мужичка, в фольклорно-этнографическом жанре устных рассказов, — вначале о том, чем поразила его Вильна (суетой и теснотой); затем следует пространнейшие (более двух страниц!) воспоминания (вначале пересказ дедовых, потом свои) про военную службу (как казаки и *москалі муштраваліся*). Две однообразные вставные реплики Сабковича (с.140: *Дык што... што ж вам дзядок твой раскажаў?*; с.141: *Ну, дык што... а ў Вільні што ты бачыў?*), конечно, не могут внести динамику в эту сцену.

Ничего близко похожего на резонерство Дамицэли и стилизованные были-небылицы батрака не встретить в *Пинской шляхте*. Здесь действие развивается стремительно и искусство.

3.3. Игра слов. В *Пинской шляхте* — это не только источник комических эффектов, но и одна из "малых" пружин развития действия.

Вот, например, Кручков, помилив родителей Грыцька и Марыси, тут же выступает как сват: *Ну, що, Тыхон! Отдаш за Грыцька свою Марысю?* В этот момент входят Кулина и Марыся, ставя на стол горячую брагу. Следует потешный диалог, классический *qui pro quo* комедий:

Кулина (входя). *Горачая! ой, горячая, Найяснейшая Корона!*

Кручков. *Откуль же ты вздаеш?*

Кулина. *Да я ж сама ее сладыла.*

Кручков. *Що?*

Кулина. *Да горылку [...].*

Кручков. *А ... ты толкуеш об крутнику!* (с.496).

Еще пример. После окончательного всеобщего примирения и благословения молодых, под возгласы *Здоровье молодых, дай бог им вк с собою*

щастливо прожыты!, входит выпущенный из-под замка Куторга. Он принимает поздравления на свой счет: *Дякуй, дякуй, пановэ громада, буду старатца уцаслывыт Марысю*, и только с опозданием, под вероятный смех зрителей, до него доходит: *Дак это нэ я — пан молоды? Нэ за мое пылы здорыве?* (с.498). Так происходит не только наказание, но и финальное посрамление комического злодея.

Ср. также каламбур в диалоге Кулины и Тихона (сцена суда):

Кулина. *А що будэ! Вэдомо, юриста, обдэрэ всіх дочиста дый поидэ с богом дохаты.*

Тихон. *Хрин тоби ў вочи! Шоб прынаймнэй шкура была цэла, а то як доберецца да нэй, будэ нэчисты интэрэс* (с.494).

Иначе в *Залётах*: здесь нет ни одного каламбура, ни одного комического недоразумения, основанного на недослышанном, неверно понятом или невпопад сказанном слове.

3.4. Ирония. Скрытая насмешка присутствует в монологе и в любовном романсе Куторги. Вот он размышляет о трудностях, которыми чревата женитьба на молоденькой: *Ой, ой! Нэ раз почишу затылок — молодэж, баш тичолы ульлю, будут облегат мою хату, прыятелей польчы копами*; пытается убедить себя, что не один он такой: *Нэ я пэршы, нэ я послэдни — дурных старцыў нэмало на божим свитэ*; что ко всему надо относиться философски: *Быць філосафам — то значит: / Нэ бач, що нэ трэба бачит*. Однако здесь же, но не напрямую — вначале не словами, а жестом, и затем иносказательно — Куторга все же ставит точки на і: [ремарка:] *(Вытягивает над головой пальцы, изображая роги.) Взростут над головой груши, / Думай, що се доўги вуши* (с.490).

В романсе Куторги ирония умеряет в силу его любовных мук. Ирония создается контрастом между традиционными народно-поэтическими образами любовных переживаний и рядом снижающих сравнений:

*По паннэ Марьяннэ душичка тоскуе,
Бытцем бы зюзюля жалосно кукуе. [...]
Ой, высох я, высох, як лапэць на пэчи,
Гырка жэ мая доля, хто жэ мэнэ улечи. [...]
Дам тэбi зэгарок вельыки, як репа,
Нехай вюн при сырцы крiпко твоим клепа
И напомянае, як богатько ною,
То жэ и в дэнь, и в ночi нэ маю спокою* (с.491).

Ср. также сближение *коханки* с чем-то таким, что делает еду вкусной:

*Не верэцаки, коубасы дэлянка --
Ничто из смакуе без тэбэ, коханка!* (с.491).

Ирония усиливает игровую комическую насыщенность *Пинской шляхты* и вместе с тем психологически обогащает образ Куторги (особенно в его прозаических размышлениях). Ирония свидетельствует не только о мастерстве, но и о драматургическом такте автора: благодаря ироническим краскам отвергнутый Куторга не вызывает у зрителя особого сочувствия (что превратило бы водевиль в драму).

В авторской палитре в *Залётах*, как, впрочем, и в *Гапоне* и *Вечарніцах*, иронии нет.

3.5. Пародия. В *Пинской шляхте* в сцене следствия и суда, представляющей собой карикатуру на судопроизводство, пародируется язык и стиль судебных заключений и приговоров. Комические эффекты сцены имеют разную природу. Во-первых, смешна абсурдистская логика судебных решений, вроде приговора к штрафу и *лозам* не только свидетелей, но и *всей протчей шляхты, которая не видела драки, за то, что не видела, а тем самым не могла и разнять дерущихся* (с.495). Во-вторых, смешны анахронизм или бессмысленность дат законов, на которые ссылается Куторга (*[...] по указу всемилостивейшей государыни Елисаветы Петровны 49-го апреля 1895 года* и т.п.). В-третьих, комизм пародийных пассажей создается стилистическими контрастами в речи Кручкова, когда тяжеловесный и торжественный юридический русский язык (при этом итоговый *декрет* Кручков зачитывает выйдя с бумагою на середину сцены) вдруг у него самого сменяется живой народной речью:

[...] коим назначается в пользу суда от тяжущихся гривны. Обжалованный Протосовицкий имеет зараз же уплотить пошлин 20-ть, прогонных 16-ть и на канцелярию 10-ть карбованцоу. Жалующийся Липский в половине того; свидки, которые бачили драку, а нэ бороньлы, -- по 9-ть карбованцоу, а вся протчая шляхта, що нэ бачыла драки, за то, що нэ бачыла, по 3-и рубля. Платите! (с.494).

В *Залётах*, по авторскому замыслу, пародии, как и иронии, нет²⁵.

²⁵ Разумеется, речь идет именно об авторском замысле; другое дело, что многие сцены водевиля, особенно в доме судьи Сакальницкого, сейчас легко могут быть восприняты и сыграны как пародия.

4. Кто мог написать *Пинскую шляхту*?

Пародийная сцена суда написана с профессиональным знанием процедуры и языка земского судопроизводства. Полномочный состав *временного присутствия*, функции его членов, обязанности *дэсяцко*, непереносимое *судовое сукно* на столе, процедуры следствия, сбора пошлины в пользу суда (причем, разной от разных тяжущихся сторон), язык предписаний и приговоров, последовательность исполнения приговора (*Тэпэр зборщик нэхай собырае гроши, после же прызмэся за лозу*), — спародировать все это в водевиле мог тот, для кого судебные заседания были службой, бытом. Как известно, Дунин-Марцинкевич не служил в земском суде и был далек от казенных учреждений.

Судя по ссылкам Кручкова на Статут Великого княжества Литовского ([...] *а равномерно в смысле Статута Литовского раздела 8; [...] применяясь к Статуту Литовскому раздела 5-го, параграфа 18-го, определено* (с.494-495)), автор помнил судебную практику, имевшую место до отмены юридической силы Статута в белорусских землях (в 1831г. в губерниях Витебской и Могилевской; в 1840г. — в Виленской, Гродненской и Минской губерниях). Уездные земские суды (как административно-полицейский орган для решения незначительных судебных дел) существовали в Империи до 1862г. Таковы хронологические границы времени, которое нашло свою водевильную зарисовку в *Пинской шляхте* неизвестного белорусского автора.

5. Резюме

Анализ всех известных релевантных для темы документальных источников убеждает, что они не содержат бесспорных доказательств того, что водевиль *Пинская шляхта* (1866г.?) написана Дуниным-Марцинкевичем. Сопоставление двух известных редакций водевиля показал, что для текста произведения пинский диалект был исходным и что перевод водевиля на литературный белорусский язык выполнен с потерями в ущерб смыслу и эстетическим достоинствам произведения.

Для атрибуции *Пинской шляхты* и *Залётаў* едва ли продуктивно их чисто лингвистическое сопоставление: язык обеих известных редакций *Пинской шляхты*, как и язык полностью "белорусифицированных" *Залётаў*, нельзя атрибутировать Дунину-Марцинкевичу.

Поэтика *Пинской шляхты* вполне определенно отличается от сочинений Дунина-Марцинкевича на белорусском языке, в том числе и от произведения, самого близкого к *Пинской шляхте* по времени создания (если принять дату 1866г.), — комедии *Залёты* (1870г.) — большей искусностью, живостью, сценичностью. Только в водевиле *Пинская шляхта* есть игра слов, каламбуры, иронические и пародийные пассажи. Виртуозное пародирование судебного разбирательства позволяет думать, что ГПШ написана юристом.